

Гуманитарные чтения РГГУ–2014
Центр типологии и семиотики фольклора

26 марта 2014 г.

Круглый стол

***СЕМИОТИКА ЛЮБВИ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ:
МЕЖДУ НОРМАТИВНЫМ СЦЕНАРИЕМ И ЛИЧНЫМ ЧУВСТВОМ***

Как утверждают психологи и физиологи, человеческие эмоции универсальны. Вместе с тем, данные антропологов, фольклористов, лингвистов, историков показывают, что в разных культурных, языковых, исторических контекстах люди по-разному чувствуют и выражают радость, печаль, гнев, привязанность, стыд и т.д. Личные чувства формируются по коллективным моделям, «навязанным» средой и усвоенным в ходе социализации. Эти модели одновременно являются и символической проекцией чувств, и механизмом манипуляции с ними. Индивидуальные душевные состояния «опознаются» в соответствии с идеальными «схемами», предлагаемыми фольклорными текстами, обрядами, искусством. Образцы, «закодированные» в текстах культуры, определяют не только то, что должен чувствовать человек, но и то, как ему следует (и следует ли) выражать свои душевные и переживания.

Принято считать, что концепт «романтической любви» – «западный» феномен, восходящий к античности и развитый в Европе средних веков и Нового времени. Однако недавние антропологические исследования показали, что схожие культурные концепты существуют и в других частях ойкумены. Семантическое поле концепта «любовь» достаточно широко – это и определенные чувства, и поступки, и типы человеческих отношений. Любовь может пониматься и как универсальная эмоция (или, скорее, комплекс эмоций), и как культурно сконструированный феномен, имеющий отношение к разным сферам человеческого бытия – родству и браку, религии и искусству, идеологии и политике. Культурные модели, касающиеся любви, заложены в разного рода текстах – в сказках и лирических песнях, фильмах-мелодрамах и «розовом романе», в религиозных канонах и семейных кодексах.

Как происходит конструирование этого концепта в традиционной культуре? Каковы схемы и шаблоны, существующие в мифах и сказках, героическом эпосе и преданиях, свадебных песнях и причитаниях, частушках и городских балладах, быличках и пословицах, а также в других текстах фольклора и постфольклора? Какова роль обрядов и ритуализованного поведения в их трансляции? Как культурные модели проявляют себя в личных нарративах и поступках? Существуют ли традиционные механизмы для выражения индивидуальных нюансов понимания концепта? Какие игры и перекодировки смыслов возможны в зоне пересечения индивидуального и коллективного?

На заседании круглого стола обсуждаются эти и другие вопросы, связанные с темой семиотики любви в традиционной культуре и с ее рецепциями в современном мире.

Тезисы докладов

Инна Сергеевна Веселова, СПбГУ

«Охота»: имя чувства и метафора отношений

В севернорусском фольклоре распространена визуальная и вербальная метафора «охотников» и «добычи» как знака отношений между мужчинами и женщинами. Так, одним из принятых сценариев русской традиционной свадьбы является сценарий «охоты». Сваты, пришедшие в дом невесты, объявляют себя охотниками за лебедью-утицей. Лирические песни, росписи на прялках, свадебные ритуалы воспроизводят метафоры, импортированные из типично мужского занятия – звероловства. Ценности и этос промысла в деревенской культуре Русского Севера переносились на этос семейной и сексуальной жизни, разыгрывались и закреплялись в телах и речи. Мало кто из современных горожан промысляет зверя в лесу, а метафоры продолжают «производство» отношений.

Елена Евгеньевна Левкиевская,

Институт славяноведения РАН / ЦТСФ РГГУ

Герой детектива между асексуальностью и любовным симулякром

В докладе будут рассмотрены как один из важных жанровых принципов создания детектива – асексуальность его главного героя – сыщика, так и эволюция отношений героя с противоположным полом, произошедшая к началу XXI в. В классическом детективе начала XX в. сыщик принципиально асексуален (Шерлок Холмс, мисс Марпл, Эркюль Пуаро, Ниро Вульф, пастор Браун, доктор Фелл и пр.). В частности, потому, что изначально сформированная жесткая жанровая структура детектива превращала его в чисто интеллектуальный конструкт, избавленный от нежелательных, «низменных» примесей (Рональд Нокс, сформулировавший десять основных правил создания детектива, сравнивал его с разгадыванием кроссвордов и игрой в крикет, а Эдгар По – с игрой в шахматы или в шашки). В основе данного конструкта лежит, с одной стороны,

честное интеллектуальное единоборство между сыщиком и преступником, а с другой, - честная интеллектуальная игра между автором и читателем. Однако это не объясняет главной проблемы – почему интеллектуализм героя не совместим с его способностью любить и быть любимым?

В 20-30-х гг. XX в. Дороти Сейерс делает попытку совместить интеллектуальную игру в расследовании преступления и развитие глубокого любовного чувства в серии романов о лорде Питере Уимзи, но данный опыт кончился крахом – после вступления в брак главных героев (Питера Уимзи и Харriet Вейн) роман перестал быть детективным и превратился в классический семейный. Последний текст о Питере Уимзи (новелла «Толбойз», 1942 г.) – это рассказ о семейном счастье, а не о расследовании кражи персиков из соседского сада. Почему же нельзя совместить детективное расследование и личное счастье сыщика? Вернее, почему его личное счастье меняет жанровую природу повествования?

Наилучшим объяснением этого феномена нам представляется итеративная теория повествования, предложенная Умберто Эко в его работе «Роль читателя» для описания сериальных героев типа Супермена. Кроме высокого интеллектуализма всех великих сыщиков объединяет то, что это, как правило, герои сериального типа, чье существование во времени и биография строятся принципиально иначе, чем у героев классического романа. Сравнивая классического и сериального героев в их отношении к категории времени, Умберто Эко выделяет несколько различий: классический герой существует в последовательно текущем времени, имеющем направление от начала к концу, в котором действуют причинно-следственные связи и в котором предыдущие события вызывают к жизни события последующие. Поэтому у такого героя есть полноценная биография, включающая возможность изменяться и развиваться как личность, а также полноценно переживать события, предусмотренные жизненным сценарием, в том числе и любовь, брак, рождение детей. Но именно поэтому классический герой обладает существенным недостатком: его биография конечна, поскольку каждое переживаемое им событие, в том числе и любовь, неизбежно означает пройденный этап в его биографии и приближает его к смерти, а значит, автор лишен возможности «использовать» такого героя сколь угодно долго. Умберто Эко называет это «потреблением/расходом» персонажа. Чем больше событий происходит в жизни классического героя, тем быстрее он «расходуется» автором и «потребляется» читателем, а значит, тем быстрее приближается к своему концу.

Отношения героя сериального типа со временем и со своей биографией строятся принципиально иначе. Умберто Эко называет такой тип повествования итеративной схемой (схемой повторения) – в сериальном повествовании разрушается идея

последовательно текущего времени: в каждой новой серии (новом романе) повествование начинается не с той точки, где закончилось предыдущее, а произвольно возвращается к одной и той же линии событий, всякий раз штампуя одно и то же означаемое. У сериального героя, действующего в некоем непрекращающемся настоящем, отсутствует полноценная биография (как проживание жизненных событий, следующих во времени одно за другим). С этой точки зрения мы имеем дело с сюжетом, который «не расходуется», и с героем, который обладает неисчерпаемым ресурсом своей воспроизводимости, что дает автору возможность «использовать» такого героя в неограниченном количестве текстов. Именно таковы все великие сыщики «золотого века» детектива: Шерлок Холмс, мисс Марпл, Эркюль Пуаро и пр.

Очевидно, что любовь (не говоря уже о браке и рождении детей) является таким жизненным событием, которое может быть присуще лишь персонажу с полноценной биографией, поскольку это чувство, во-первых, требует развития личности в конкретных временных координатах, а во-вторых, втягивает героя во взаимоотношения с другим человеком или людьми. Любовь несовместима с итеративной схемой повествования, т.к. она автоматически делает героя «биографичным», а значит, конечным во времени, «растрачивающим» свой временной ресурс. Герой детектива не может себе позволить любовь не потому что он чересчур интеллектуален, а потому что он в рамках итеративной схемы повествования как личность не может развиваться и изменяться (а это непереносимое качество любви). Любовь вписывает героя в последовательно развивающееся время, а значит, превращает сыщика из сериального персонажа в героя биографического романа, что и доказал опыт Дороти Сейерс, проделанный над лордом Питером Уимзи.

На рубеже XX-XXI вв. появляется значительное число детективных сериалов, казалось бы, опровергающих правило итеративной схемы. В них действуют уже два сыщика разного пола («Секретные материалы», «Расследование Мердока», «Леди-детектив Фрайни Фишер» и пр.), проявляющие друг к другу нежность и явную благосклонность, которая, как наивно ожидает зритель, вот-вот должна развиться в настоящую любовь и закончиться соединением героев. Однако их отношения почему-то застревают на уровне флирта (или мечты о предстоящем браке), все время прокручиваются на одном месте, как заезженная пластинка, и ничем не кончаются. Их отношения – абсолютный симулякр, технический прием, преследующий чисто коммерческие цели расширения зрительской аудитории и поддержания интереса зрителей к сериалу. Такой прием обозначается термином UST (unresolved sexual tension – нереализованное сексуальное влечение); одним из первых его использовал американский писатель Гарднер в серии романов об адвокате Перри Мейсоне и его верной секретарше

Делле Стрит в 30-50 гг. XX в. Использование UST не опровергает итеративную схему повествования, в которой существует герой детектива, но является ее (относительно новой) частью, которая штампует уже известное означаемое, не предусматривающее личностных изменений героев во времени.

Елена Сергеевна Новик, ЦТСФ РГГУ

Сексуальное избранничество:

любовь и брак в традиционных верованиях и фольклоре народов Сибири

Концепция «сексуального избранничества» была предложена Л. Я. Штернбергом в его статье «Избранничество в религии» (1927 г.). Термин «избранничество» был заимствован им из христианской теологии; в область этнологии он ввел его, считая, что эта идея коренится в мышлении «первобытного анимиста», который приписывает свою собственную психологию и всех облакает в антропоморфный образ. «В окружающем мире, наряду с реальным человечеством, он открыл другое, особое человечество – человечество духов, обладающих такой же жизнью, таким же разумом, такими же страстями и такой же волей, как он сам... Эти могущественные духи, как и люди, могут питать особые симпатии к тому или иному человеку и поэтому покровительствовать ему, сделать его своим избранником. Различны могут быть мотивы такой симпатии, но самый могучий мотив – особенно для примитивного человека – конечно, мотив сексуального влечения» [Штернберг 1927: 48-49].

Эти рассуждения Л.Я. Штернберга на первый взгляд кажутся устаревшими, поскольку он, подобно другим представителям антропологической школы, исходил из представления о «философствующем дикаре», индивидуальное сознание, индивидуальная психика или личные наблюдения которого рассматривались им как источник верований и обрядов. В рамках французской социологической школы несостоятельность такого подхода была, как известно, обоснована в трудах Э. Дюркгейма. Разделявший его взгляды Леви-Брюль тоже считал, что коллективные представления не зависят в своем бытии от отдельной личности, что их невозможно понять путем рассмотрения индивида как такового. Более того, предвосхищая семиотический поход, он прямо сравнивал их с языком: «Так, например, язык, хоть он и существует, собственно говоря, лишь в сознании личностей, которые на нем говорят, – тем не менее несомненная социальная реальность,

базирующаяся на совокупности коллективных представлений. Язык навязывает себя каждой из этих личностей, он предшествует ей и переживает ее» [Леви-Брюль 1999: 9].

Как и естественный язык, совокупность семиотических систем, куда включены верования, обряды и фольклорные тексты, не «отражают» индивидуальные чувства и переживания, а выполняют функцию регуляторов, предписывающих определенные типы общения и деятельности.

Под этим углом зрения в докладе предлагается рассмотреть:

- шаманские легенды и их практику, реализующие мотив сексуального избранничества неофита в период его становления;
- легенды и предания о сожительстве охотника с дочерью духа-хозяина тайги, о «лесной жене» удачливого охотника или счастливом замужестве дочери престарелых родителей с сыном хозяина воды;
- поверья и обряды, связанные с интерпретацией несчастных случаев как результата «избранничества» погибшего человека хищником или духом, который его любил;
- тему сватовства в мифах и эпосе;
- лирические песни и личные нарративы о любви.

Литература

Леви-Брюль 1999 – *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1999.

Штернберг 1927 – *Штернберг Л.Я.* Избранничество в религии // *Этнография.* 1927. Кн. 3. № 1.

Никита Викторович Петров, ЦТСФ / ИФИ РГГУ

Его любовь и ее «грехи»: любовные истории былинных богатырей

Любовные приключения былинных персонажей редко становились предметом анализа эпосоведов. Действительно, эпос ориентирован, прежде всего, на героизацию воинских и оборонительных событий (защита государства, освобождение земли от захватчиков, реже – воинские походы в другую землю). Процент сюжетных элементов былин с тематикой сватовства, брака, любовных приключений варьирует от одной локальной традиции к другой и составляет от 12 до 20% от общего числа (сюжеты

«Садко», «Михайло Потык», «Иван Годинович», «Дунай», «Козарин», «Соловей Будимирович», «Алеша Попович и сестра Петровичей», «Хотен Блудович».

Если реконструировать «исходный текст» былин с матримониальными коллизиями, то можно выстроить некую инвариантную конфигурацию, складывающуюся из всех известных «любовных» и матримониальных сюжетов. Нормальное (с позиций обычного права и установившейся традиции) развитие брачных намерений со стороны героя привлекает ряд эпических сюжетов: сватовство, выполнение героем свадебных задач, увоз невесты к себе. Сюжет осложняется и развивается включением соперника-претендента: при условии, что девушка на стороне героя, богатырь побеждает соперника. Если девушка просватана за другого, то она помогает сопернику, который побеждает героя. Если девушка необычного происхождения, то в этом случае возможны два варианта развития событий: *поленица*, суженая героя проявляет свои богатырские качества, оказываясь лучше героя (персонажи соревнуются в меткости) – герой ее убивает, вспарывая ей живот и вытаскивая из него нерожденного младенца-богатыря («Дунай»). Если девушка помогла сопернику во время поединка, то герой наказывает ее – убивает, отрезая сначала руки, потом ноги, потом губы («Иван Годинович»). Если невеста оказывается колдуньей и наносит ущерб герою, то он сначала женится на ней, а потом на правах мужа находит предлог и убивает ее (таким предлогом чаще всего оказывается неверность т.н. "жены") («Добрыня и Маринка»). В некоторых былинах героя пытается убить его незаконнорожденный сын («Илья Муромец и Сокольник») – причиной конфликта оказывается любовное приключение Ильи Муромца "на стороне" – герой путешествует в "дальнюю" землю, встречается с бабой Златыгоркой, которая и зачинает Сокольника. В бродячем сюжете о «муже на свадьбе своей жены» («Добрыня и Алеша») брак героя пытается разрушить его побратим. Продолжение брачных коллизий оказывается невозможным практически для всех этих сюжетов. Вероятно, отношения между героем и его невестой/женой развиваются относительно благополучно только в былине о Ставре Годиновиче: жена спасает мужа из плена. Таким образом, «былинная любовь» практически всегда оказывается невозможна по ряду причин или трагична.

В отличие от волшебной сказки, финал которой – свадьба героя, былина реализует другую модель – «неудачный брак». В докладе показывается, какие жанровые, повествовательные модели приводят к такого рода развитию событий в эпическом тексте; какие типологические параллели существуют в эпосах мира; каким образом интерпретируются эти модели носителями традиции русского эпоса.

Литература

Петров Н.В. Богатыри на Русском Севере. М., 2008.

Любовь деревенская vs. любовь городская: версия русских народных песен

В докладе будет рассмотрено, как изображаются отношения между мужчиной и женщиной в «классической» сельской и городской песенных традициях. Иллюстрация любовного чувства с учетом гендерного аспекта будет проанализирована на примере социально немаркированных (использование этого термина позволяет отграничить песни, характерные для определенных социальных групп, например, солдатские, тюремные) лирических и лиро-эпических песен.

Источниками исследования стали материалы из собрания, представляющего главным образом «классическую» песенную традицию [Соболевский 1895–1907], а также из сборников городских песен, иллюстрирующих «новую» деревенскую песенную традицию [Адоньева, Герасимова 1996; Кулагина, Селиванова 1999; Тамаркина 2000; Брадис и др. 2006]. Корпус А.И. Соболевского, несмотря на некоторые недостатки, является вполне пригодным для выбранного текстологического анализа, так как представляет собой первый в русской фольклористике свод народных песен, в который вошли 4772 текста.

Выбранные сборники городских песен, которые начали активно изучаться фольклористами сравнительно недавно, с 1980-х гг., являются единственными научно подготовленными собраниями на сегодняшний день, в которых представлены городские песни, зафиксированные в деревне. Помимо этих достаточно больших сборников, существуют научные публикации небольших подборок, однако практических для всех сюжетов, представленных в них, есть варианты в обозначенных книгах, чего вполне достаточно для решения задачи, поставленной в докладе.

На основе выбранного корпуса текстов предпринято сравнительное исследование, задача которого – показать:

- как в песнях с мужской и женской точки зрения изображается любовное чувство;
- как трансформируется поведение участников любовной ситуации (парень – девушка – родители) в городских песнях по сравнению с традиционными.

Проведенный анализ показал, что на тематическом уровне в городских песнях происходит сдвиг с изображения отношений семейных, которые характерны для классической традиции, на отношения внебрачные.

Что касается поведения героев в любовных ситуациях, то в городских песнях по сравнению с традиционными большей трансформации подвергся образ девушки. Из целомудренной, заботящейся о своей чести и чести семьи, она становится непокорной особой, которая сама выбирает партнера, не боясь дурной славы, для которой брак – условность, она верит в любовь. В «новых» женских песнях возлюбленный оказывается обольстителем, изменником, предателем, чего «городская» девушка пережить не может – убивает соперника либо кончает жизнь самоубийством.

В мужских песнях поведение героя особенно не меняется, главное, что приобретает молодец в «городской» среде, – это склонность к суициду, и в этом он схож с героиней «новых» песен. Если поведение детей, в особенности дочерей, в «новых» песнях претерпевает изменения, то поведение родителей одинаково в обеих песенных традициях.

Анализируя взаимоотношения песенных героев, невольно задаешься вопросом: являются ли песенные ситуации отражением реальных событий в жизни деревенских мужчин и женщин? В рамках доклада мы попытаемся дать на него ответ.

Литература

- Адоньева, Герасимова, 1996 – Современная баллада и жестокий романс / Сост. С.Адоньева, Н.Герасимова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996.
- Брадис и др. 2006 – Жестокие романсы Тверской области / Сост. Л.В.Брадис, Е.В.Петренко, М.В.Строганов, И.С.Тарасов. Тверь: Золотая буква, 2006;
- Кулагина, Селиванова 1999 – Городские песни, баллады, романсы / Сост., подгот. текста и коммент. А.В.Кулагиной, Ф.М.Селиванова; Вступит. ст. Ф.М.Селиванова. М.: Филол. ф-т МГУ, 1999.
- Соболевский 1895–1907 – Соболевский А.И. Великорусские народные песни. СПб.: Гос. тип., 1895–1907. Т. 1–7.
- Тамаркина 2000 – Романсовая лирика Удмуртии / Ред.-сост. Э.А.Тамаркина. Ижевск: Удмуртский ун-т, 2000. Вып. 1.

Антонина Сергеевна Семенова, СПбГУ

«Умри, но не давай поцелуя без любви»:

сценарии любви в рукописных песенниках советского времени

В Фольклорном архиве Санкт-Петербургского государственного университета имеется постоянно пополняемая коллекция рукописных песенников и дневников жителей севернорусских деревень. Часть из них принадлежит советскому поколению, чья молодость пришлась на 1940-1950-е годы. Репертуар песенников в основном составляют советские популярные песни, в том числе песни из кинофильмов, и городские романсы. Среди песенных текстов было принято записывать жизненные правила, которыми служили цитаты из литературных текстов, изречения, принадлежащие знаменитым людям или приписываемые им. Одна из главных тем песен и этих «лексиконов прописных истин» – любовь, во всех ее стадиях и вариантах: влюбленность, взаимные или неразделенные чувства, брак или расставание; любовь первая, *истинная, робкая, жаркая, чистая* или *продажная*.

Стереотипные представления о любви в песенных текстах, возникших в разное время, фольклорных и авторских, и жизненные правила в тетрадах, в частности, предписания, касающиеся любви, не складываются в систему, противоречат друг другу. В авторских советских песнях норма – верность и кристальная чистота отношений любящих: *любовь дана навеки и скреплена дружбой*. Телесность в этой любви практически отсутствует: она выражается взглядами, любящие могут вместе гулять или сидеть рядом; держание за руку и тем более поцелуи упоминаются редко. Расставания и измены в советских песнях случаются, но песен о влюбленности или счастливой любви гораздо больше. В городских романсах женщины нечестные, верности не существует, любовь продается и в ее описаниях гораздо больше телесности.

По-видимому, так молодое советское поколение представляло норму и «антинорму» любви. Возникает вопрос: зачем ему нужно было воспроизводить эти стереотипы в своих песенниках и альбомах?

Я склоняюсь к предположению, что диапазон представлений о любви у составителей рукописных альбомов был шире опыта чувств (я противопоставляю представления и опыт вслед за И. С. Веселовой и С. Б. Адоньевой, работавшими над проектом «Музей биографий. Русская провинция. XX век»). Едва ли эти юноши и девушки имели серьезный любовный опыт. Особенно это касается девушек, поскольку их репутация была объектом пристального внимания деревенского сообщества. Источниками их представлений о том, какой бывает любовь, служили кинофильмы, книги и альбомы друзей и подруг. Рукописные сборники и дневниковые записи являлись «пособиями» по любви, описывающими все ее варианты: от нормы, которая представлялась как «чистая» любовь, до ее противоположности, квинтэссенцией которой был пресловутый «поцелуй без любви». Отбирая тексты и формируя из них коллекции, составители песенников

осваивали «чувственную риторiku» и «сценарии чувствования» (эти выражения заимствованы мной из описания упомянутого проекта). Овладение риторикой и набором сценариев было нужно для того, чтобы организовывать свои состояния через их поименование, создавать мужские и женские alter ego, а также для реализации предписанного культурой императива – любить (*Если ты любишь, если любя страдаешь, значит, ты человек*).

В ходе исследования было выяснено, что максимы советского времени активно употребляются Интернет-пользователями, то есть сохраняют свою актуальность для наших современников.

Ольга Борисовна Христофорова, ЦТСФ РГГУ

**«А наш вот тряся с ней много годов»:
«женский текст» в традиции старообрядцев Верхокамья**

Мы продолжаем изучение института «подруг» (женщин, с которыми мужчины поддерживали устойчивые внебрачные связи) в локальной традиции старообрядцев-беспоповцев верховьев Камы в XX в. В предыдущем выступлении [Христофорова 2013], в котором была заявлена эта тема, наличие у мужчин постоянных любовниц обосновывалось как своеобразный социально-экономический институт, вызванный к жизни спецификой локальной социальной структуры и идеологии и поддерживаемый демографическими процессами XX в. В общественной жизни и устной традиции старообрядцев Верхокамья институт «подруг» имеет множество экспликаций – от экономических до мифологических; он является темой устойчивого местного дискурса.

В докладе на основе анализа записанных в 2004-2013 интервью с жителями Верхокамья (преимущественно женщинами) мы рассмотрим отношения между двумя основными акторами этого дискурса – женами («бабами») и любовницами («подругами»). Как строятся их взаимодействия? Какие их поступки находят поддержку или встречают осуждение общественного мнения и почему? Какие доминантные тексты и культурные институты легитимируют тот или иной вариант женской судьбы? Какие речевые стратегии выбирают женщины, рассказывая о своей личной жизни, и чем этот выбор обусловлен? Какая роль в отношениях «баб» и «подруг» отведена мужчинам – мужьям и «ухажерам»? Наконец, какое место в возникающем «женском тексте» занимает чувство любви – и есть ли у него имя?

Литература

Христофорова 2013 – Христофорова О.Б. «Худенька рубашка, да и то переменка»: жены и «подруги» в жизни верхокамских мужчин в XX в. // Визуальное и вербальное в народной культуре: Тезисы и материалы международной школы-конференции – 2013 / Сост. А.С. Архипова, С.Ю. Неклюдов, Д.С. Николаев. Москва: РГГУ, 2013. С. 322-323.

Александра Игоревна Шевелева, ЦТСФ РГГУ

«Любила его – куда деваться»: стратегии выбора брачного партнера на примере локальной традиции украинского анклава

В докладе будет предпринята попытка выявить существующие в локальной традиции украинского анклава Саратовской области стратегии выбора брачного партнера и модели описания момента принятия жизненно важного для женщины решения о замужестве. Материалом для исследования послужили 30 интервью с женщинами 1920-х – 1930-х гг. рождения, записанные в ходе экспедиций в Самойловский район Саратовской области в 2012 и в 2013 годах.

Прежде всего стоит отметить, что информантки в рассказах о своей молодости нехотя останавливались на ситуации ухаживания и выборе брачного партнера, предпочитая обозначать лишь год своего замужества или возраст, в котором они вступили в брак. Проанализировав нарративы о ситуации заключения брака, можно выявить три стратегии выбора брачного партнера:

- в первом случае ответственными за выбор брачного партнера выступают родители невесты и жениха. Причем мотивация их выбора может быть как неясна рассказчику, так и понятна и одобряема («Вин ей и не нраўылся, а родытеликажуть: «Дочечка, иди замиж за йоу. Он одін сын в семье. Тебе будет хорошо там»). Стоит отметить, что информанты в большинстве случаев не поощряют заключение брака против воли невесты;
- во втором случае жених вступает в сговор с родителями невесты, не ставя ее в известность о своих намерениях;
- в третьем случае девушка и молодой человек выступают равноправными участниками брачного сговора.

На последней ситуации хотелось бы остановиться подробнее, поскольку слова «любовь», «влюбленность» и «любить» редко употребляются для обоснования брачного решения. Вместо них информантки предпочитают употреблять глаголы «дружить» и «нравиться». Отдельно планируется рассмотреть желаемые качества будущего избранника, которые влияли на брачный выбор.

Сама же ситуация сближения двух молодых людей и принятия брачного решения описывается с помощью глаголов движения, что уже отмечалось исследователями: «пошел провожать», «пришел», «И он как с милиции вышел – мать говорит: “Ты что, пойдешь?” - Я говорю: “Пойду”. Ну, любила его – куда деваться».

Литература

Бурас М., Кронгауз М. Любить по-русски // Русский журнал. 2003. 30 апреля.

Российская повседневность в зеркале гендерных отношений. Сб. статей / Отв. ред. и сост.

Н.Л. Пушкарева. М.: НЛО, 2013.

Мужики и бабы. Мужское и женское в русской традиционной культуре.

Иллюстрированная энциклопедия / Ред. И.И. Шангина. СПб., 2005.